

Н.И. БАРМИНА

**МАНГУПСКАЯ БАЗИЛИКА
В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ
КРЫМСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Мангупская базилика входит в число христианских памятников Крыма, к археологическому изучению которых исследователи обращались неоднократно. Этот устойчивый интерес обусловлен следующими обстоятельствами.

Во-первых, базилика, как определенный тип христианского сооружения, получила широкую популярность лишь на раннем этапе распространения и утверждения христианства. Поэтому для ряда ученых-историков сама форма базилики уже выступает в качестве основания для датирования памятника. Именно на этот внешний сравнительно-архитектурный анализ опирались в своих рассуждениях такие специалисты по истории христианской архитектуры Таврики, как Д.В.Айналов¹, А.Л.Якобсон², Ю.С.Асеев³. Результатом подобного подхода стало то, что к середине 1950-х гг. в отечественной историографии прочно утвердилось мнение о строительстве крымских базилик в конце V начале VII в.⁴

Во-вторых, раскопки любого памятника архитектуры всегда сопряжены с получением огромного и многообразного археологического материала, на основании изучения которого определяются не только планировочно-строительные особенности культового здания, но и происходит уточнение времени его появления и периодов функционирования. На наш взгляд, именно это обстоятельство послужило главной причиной повсеместного исследования христианских базилик, развернувшегося в Крыму в 60-е - 90-е гг.

На основании материалов, полученных в эти годы, появилась возможность иной датировки памятников. Некоторые базилики Херсонеса, как, например, «базилика на холме», по мнению С.А.Беляева, строятся в IV в.⁵, другие возводятся в течение VI-X вв.⁶ Время строительства базилики на Эски-Кермене, после новых раскопок Е.А.Паршиной, было определено X-XI вв.⁷, базилика на Мангуле, по моему мнению, возводится не ранее IX в.⁸

В-третьих, археологический материал, получаемый в процессе изучения конкретной базилики, в ряде случаев приобретает принципиальное значение. Особенно тогда, когда дело касается памятников, история которых слабо отражена в письменных источниках. В таких случаях археологические данные служат подчас единственными свидетельствами не только для датировки самих изучаемых сооружений, но и для уточнения процесса исторического развития поселения или города, которому они принадлежали.

Мангуп и другие города Таврики (Кыз-Кермен, Чуфут-Кале, Бакла, Эски-Кермен) как раз являются собой пример этому. Поэтому уже в конце XIX в., когда началось археологическое изучение указанных памятников, исследователи возлагали особые надежды на результаты раскопок, т. к. надеялись с их помощью разрешить некоторые проблемы крымского средневековья. Одним из первых таких объектов стал Мангуп. В 1890 г. здесь были предприняты раскопки оборонительных стен, христианских храмов, в том числе и базилики⁹. В дальнейшем еще дважды возвращались к ее изучению - в 1912-1914 гг.¹⁰ и в 1938 г.¹¹

Но эти исследования носили эпизодический характер, что и вызвало необходимость систематических раскопок мангупских памятников, которое проводится с 1967 г. В результате этих последних работ получен разнообразный материал, изучение которого позволяет уточнить наше представление об исторической роли самого Мангупа в жизни Юго-Западной Таврики¹² и определять место Мангупской базилики как возможного кафедрального центра Крымской Готской епархии¹³.

Однако задача данной публикации состоит не только в изложении результатов археологического исследования базилики, сколько в постановке вопроса об использовании этих результатов в решении тех сложных проблем, которые стоят перед исследователями средневекового Крыма.

I. Проблема «пещерных городов» Крыма

Мангуп так же, как и вышеупомянутые города, относится к разряду «пещерных городов» Крыма. Вопросы их образования и функционирования обсуждаются в исторической литературе с конца прошлого века. Вместе с тем, проблема этих городов является частью более самостоятельной проблемы - истории средневекового города.

Известно, что Херсонес после варварских вторжений уже к концу V в. сумел стабилизировать свою экономику, восстановить прежние торговые связи и постепенно выдвинулся в качестве политического, экономического и культурного центра Северного Причерноморья.

Что касается горного Крыма, то здесь в конце V - начале VI в. также наблюдается экономический подъем, выразившийся в образовании «пещерных городов». История Мангупа в своем развитии отражала общие закономерности становления феодальных отношений на территории Таврики. Вместе с тем, ряд его пригородных особенностей (естественная неприступность, своеобразная конфигурация - четыре мыса, выдвинутые на север, с оврагами между ними, значительная площадь самого плато - около 92 га и большие водные запасы) выдвигали его в качестве ведущего центра нагорья уже в период раннего средневековья.

При сложной историко-политической ситуации (готы и Крым, Византия и Крым, хазары и Крым, хазары и Византия, Крым и кочевники, Крым и Русь, Крым и татары) Мангуп на каждом из этих этапов приобретал новое значение, которое либо ослабляло, либо усиливало его авторитет.

Наиболее запутанной является ранняя история Мангупа, которая, вероятно, была связана с присутствием готов в Юго-Западном Крыму. Дискуссия о готской стране Дори, возникшая в историографии в XIX в., не утратила своего значения и в настоящее время. Большинство мнений, существующих по этому вопросу, так или иначе связаны с Мангупом. О стране Дори в VI в. сообщал византийский историк Прокопий Кессарийский в трактате «О постройках»¹⁴. Свидетельства Прокопия для одних исследователей стали основанием для определения в качестве столичного центра Дори - Дорос - Мангуп¹⁵, другие этим центром считают «пещерный город» Эски-Кермен¹⁶ третьи вообще не локализуют Дори в Юго-Западном нагорье и, тем самым, отказывают Мангупу в его столичном статусе¹⁷.

Таким образом, проблема «пещерных городов» тесно связана с вопросом пребывания готов в Крыму. Но только ли готы стимулировали их образование? Среди различных точек зрения по этому вопросу есть мнение об их появлении в процессе византийского влияния¹⁸. При таком понимании роли Византии в Крыму перед нами встает еще один аспект - проблема византийского города.

В современной литературе идут дискуссии: существовала ли непосредственная преемственность между собственно византийским городом и полисами предшествующей эпохи, или византийские города были городами нового типа, выросшие на иной (феодалной) основе? Выводы исследователей разноречивы: некоторые считают, что античные центры не были в состоянии пережить кризис и превратились в сельские поселения¹⁹. Другие выступают с концепцией континуитета, согласно которой византийский город, испытав на себе переходный период, переживал последующие процессы феодализации замедленными темпами²⁰. Несмотря на это, города оставались административными и социально-культурными центрами.

Эта дискуссия оказала влияние и на крымских исследователей. В последние годы появились работы, в которых доказывается непрерывность существования, например, Херсонеса с VI до XIII-XIV вв.²¹ Что же касается «пещерных городов», то они, возможно, представили пример формирования новых византийских центров. И в своем развитии - в планировке города, в сооружении фортификаций - они наследовали особенности византийской строительной культуры. Очевидным доказательством византийского влияния на Юго-Западную Таврику является строительство христианских храмов в форме базилик на Эски-Кермене, Мангупе, Бакле и предположительно указывается на Чуфут-Кале. Известны они также на южном берегу (в Партепитах), и в Восточном Крыму²².

Строительство базилик в Таврике можно рассматривать как традиционную политику Византии по отношению к провинции, т. к. ее активная деятельность по созданию крепостных и культовых сооружений отражала стремление утвердиться на пограничных территориях. Поэтому на протяжении VI-XI вв. такие крепости и храмы-базилики воздвигаются в Малой Азии, на Кавказе, в Болгарии²³ и т. д.

Анализ остатков Мангупской базилики и фрагментов ее художественно-декоративного оформления показывает, что и в технике кладки, и в оформлении внутреннего интерьера сказывалось византийское влияние (хотя оно уже было опосредованным через Херсонес)²⁴.

II. Проблема распространения и утверждения христианства в Таврике

Письменные источники сохранили сведения о том, что христианство проникает сюда, начиная с эпохи Диоклетиана. Образование первых епархий относится к периоду IV-VIII вв.²⁴ Самая ранняя из них - Херсонская, затем Херсоно-Дорантская общины, в дальнейшем они вновь разъединяются. Упоминание о дорантской епархии²⁶ свидетельствует, видимо, о ее связи с Доросом. Таким образом, рассматривая вопрос христианизации Юго-Западной Таврики, мы вновь сталкиваемся с проблемой страны Дори.

Результаты исследования Мангупской базилики позволяют предположить, что древний Дорос и центр Дорантской общины располагались на Мангупе, а один из храмов, строительные остатки которого обнаружены к северу от большой базилики, вероятно всего являлись кафедральным храмом этой общины²⁷. Однако ни создание Херсонской епархии, ни образование Дорантской церковной организации еще не означали окончательной победы здесь новой религии²⁸.

Христианство в Таврике уживалось со значительными пережитками язычества, сохранение которых, с одной стороны, естественно, т. к. «под покровом христианских догм продолжалась жизнь архаических верований»²⁹, а с другой этому способствовали специфические условия Таврики. Постоянные варварские вторжения на эти земли оставляли важным христианизацию и после VI-VII вв. Но победа христианства была предопределена исторически, поэтому и в Таврике успехи христианизации выразились в создании новых епархий (с IX по XIII вв. их число возросло до пяти³⁰). В вопросе об утверждении христианства в Таврике существует значительное число «белых пятен». Среди них наиболее сложной и противоречивой предстает история Готской епархии. Уточнение времени ее образования, выяснение судеб ее перемещающегося религиозного центра, определение ее места в политической и духовной жизни Таврики, выявление роста, а затем утраты ею авторитета - вот круг вопросов, которые привлекают современных исследователей³¹. В этой связи пристальный анализ Мангупской базилики, обнаружение характерных атрибутов, свидетельствующих о кафедральном ее значении, обещает нам интересные результаты в понимании исторической топографии Крыма, а следовательно, и новые перспективы в осмыслении средневековой истории Таврики. Однако уже сейчас очевидно, что строительство большой базилики на Мангупе в IX в. и непрерывное ее функционирование вплоть до XV в., существенные перестройки в XIII-XIV вв. позволяют считать эту базилику кафедральным храмом, а затем (в XIII в.) - центральным собором Готской митрополии.

III. Проблема этнокультурной принадлежности населения средневекового Мангупа

В отечественной историографии существуют разные мнения о периодичности появления в Крыму различных этносов. Но какие бы точки зрения ни высказывались, все ученые сходятся в одном - Юго-Западная Таврика вбирала в себя мощные миграционные волны, идущие с Севера и с Востока³².

Главным источником для понимания этих процессов по-прежнему остаются археологические материалы, получаемые в ходе исследования могильников. К сожалению, в современной литературе отсутствуют работы, посвященные анализу погребальных памятников Мангупа.

В связи с этим исследование большого некрополя Мангупской базилики представляет особый интерес. В настоящее время открыто 75 гробничных сооружений и более 300 грунтовых погребений (представленные данные приведены с учетом материалов из раскопок М.А.Тихановой³³).

Гробницы по своим архитектурно-строительным особенностям подразделяются на пять групп:

1. «Склепы» - глубокие (до 2 м), овальной формы ямы, вырубленные в скальной основе, с двумя ярусами перекрытия, тщательно оформленным изголовьем в виде «подушки», ориентированные в направлении ЮЗ-СВ. В одной из этих гробниц (XVI) было обнаружено погребение лошади, уложенное выше гробницы, с западной стороны, в круглом углублении. Такое сооружение гробниц и особенности погребального обряда (захоронение части животного) характерны для кочевников, появившихся в Крыму в конце VII - начале IX в.³⁴ Особенностью этой гробницы являлось и то, что ее северо-восточная часть перекрыта северной стеной базилики. Это свидетельствует о том, что сооружение гробницы предшествовало появлению здесь храма.

2. «Каменные ящики» - гробницы, также выбитые в скале на глубину 1,00-1,20 м, имеют четкую прямоугольную форму, внутри выложенные штучным, хорошо обработанным камнем. Сверху они закрывались плитами перекрытия под уровень горизонта пола базилики. Такие гробницы обнаружены в нартексе и боковых нефсах. Форма «каменных ящиков» была наиболее распространенной в период поздней античности и являлась характерной для территорий Северного Причерноморья и Нижнего Дона I-III вв.³⁵

3. «Саркофаги» - гробницы, незначительно углубленные в скалу (0,10-0,15 м), стены их сложены из разнокалиберного камня, которые возвышались над уровнем горизонта нижнего пола базилики на 0,40-0,45 м. Сверху они также перекрывались плитами, которые соответствовали уровню горизонта второго пола храма. На основании строительных особенностей и археологического материала, появление их можно отнести к XIII-XV вв. Большая часть таких гробниц находилась в северной и южной галереях базилики, которые к указанному времени уже не использовались по своему непосредственному назначению. Такие же гробницы создавались за пределами базилики - с северной стороны и перед западным входом в храм.

Данные погребальные сооружения можно рассматривать как один из вариантов «каменного ящика». Аналогичные гробницы хорошо известны в

Крыму по раскопкам могильников XIV-XV вв.³⁶ Одной из особенностей их является наличие каменных надгробий, большая часть которых украшена разным орнаментальным узором, особенности которого указывают их восточное (малоазийское) происхождение³⁷. Аналогичные мотивы хорошо известны как в позднесредневековых поселениях Юго-Западной Таврики³⁸, так и Восточного Крыма³⁹.

4. Неглубокие могильные ямы овальной формы, стены которых возвышались над горизонтом второго пола базилики на высоту одного-двух рядов камня (0,25 м). Данные погребальные сооружения в основном располагались за пределами территории базилики. Особенностью их устройства было использование в качестве плит перекрытия вторично употребляемого строительного материала и фрагментов от декоративных деталей архитектурного оформления базилики. В случае отсутствия такого материала гробницы вообще не имели перекрытия и забрасывались мелким бутовым камнем. Как правило, захоронения в таких гробницах производились в деревянных гробах. На основании археологического материала, датируемого XV-XVI вв., это самые поздние гробничные сооружения, которые известны на базилике.

5. «Мавзолея» - большие гробницы со стенками, высоко поднятыми (до 1 м) над уровнем горизонта второго пола. Первоначально они вырубались в скале на глубину 1 м по типу «каменного ящика», но в дальнейшем их стены докладывались, в конечном итоге они превращались в монументальные погребальные сооружения. «Мавзолея» расположены внутри стен базилики. Период их использования, видимо, синхронен функционированию храма. Именно они на фоне всех других гробниц являлись самыми крупными костотеками, хотя все остальные гробницы также выполняли эту функцию.

Анализ грунтовых погребений позволил выявить некоторые особенности погребального обряда похороненных в некрополе Мангупской базилики.

1. Грунтовые погребения расположены не только внутри базилики, но наибольшее их количество (285) находилось к востоку, к северу и к западу от нее. Захоронения за стенами храма совершались в 3-4 яруса.

2. Погребения производились в неглубоких могильных ямах, либо в деревянных гробах, либо имели каменные или черепичные обкладки. Вообще крупные фрагменты пифосов, амфор, черепицы, порой целые керамики, некоторые из них с клеймами XII-XIV вв. широко применялись в погребальной практике. Они использовались в качестве стенок могилы, клались под голову умершего либо закрывали ему лицо и грудь.

3. Над умершими во время погребения совершалась трапеца, о чем свидетельствует большое скопление костей в засыпи (кости козы, овцы, свиньи и т. д.). В отдельных случаях погребению сопутствовала тризна, которая устраивалась в непосредственной близости от него. Она оформлялась в виде неглубокой (0,10-0,15 м) овальной или круглой ямки (Д - 0,15-0,23 м), вырубалась в скале. В нее укладывались кости животных, фрагменты битой (стеклянной или керамической посуды).

4. Значительному количеству погребенных в некрополе Мангупской базилики присущи черты архаического обряда обезвреживания трупов, который сопровождается обязательным разрушением костяка - черепа, позвоночного

столба, конечностей. В настоящее время нами отмечено 18 способов подобного обезвреживания.

5. Характерной чертой исследуемого некрополя является, как правило, безынвентарные погребения, лишь изредка встречались бронзовые, серебряные браслеты, кольца, бронзовые и серебряные «бубенчикообразные» пуговягы. В погребениях не было нательных крестов, за исключением одного золотого.

В целом материал, встреченный при расчистке погребений, относится к VIII-XV вв.

Многообразие ритуалов, отмеченное в процессе изучения погребального комплекса, безусловно свидетельствует о существовании на Мангупе различных этнических групп, которые, с одной стороны, уже представляли христианизированное сообщество, т. к. были похоронены «под защитой» христианского храма, а с другой - сохраняли присущие им языческие представления о загробном мире. Носителями таковых, возможно, были народы - представители Салтово-Маяцкой культуры, о чем свидетельствует специфическая погребальная обрядность⁴⁰, а также наличие хазарской символики (типа «Вавилон») на надгробиях и оберегах⁴¹.

Исследование погребального комплекса Мангупской базилики далеко от завершения, но и сейчас представляется перспективным в плане того, что позволяет выйти на широкий сравнительный анализ погребального обряда эпохи средневековья, практиковавшегося на территории от современной Болгарии до Прикаспия, а на основании его возможны и более аргументированные выводы по этнокультурной принадлежности населения Мангупа.

1. Айналов Д.В. Развалины храмов//Памятники христианского Херсонеса. М., 1910. С. 16-94.
2. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес//МИА. 1959. № 63. С. 152-194.
3. Асеев Ю.С. Архитектура Северного Причерноморья//Всеобщая история архитектуры. 1964. Т. 3. С. 502-510.
4. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М., Л., 1964. С. 21-26.
5. Бельев С.А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973-1977 гг.)//ВВ.1979. Т. 40. С. 114-126.
6. Суров Е.Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического//АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 117-119. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках базилики 1889 г. («базилика на холме»). Архив ГХМЗ. д.1640. Л.18.
7. Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика//Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 50-53.
8. Бармина Н.И. Историческое место Мангупской базилики в христианской архитектуре Таврики. Автор. дис. ...канд. ист. наук. М., 1984. С. 10-14.
9. Браун А.Ф. Отчет о раскопках на Мангупе //ОАК, за 1890. СПб., 1890. С. 15-21.
10. Лепер Р.Х. Предварительный отчет о работах на Мангупе//ИАК, 1912. Вып. 47. С. 74-77.
11. Тиханова А.М. Базилика//МИА, 1953, № 34. С. 334-429.
12. Герден А.Г. Система оборонительных сооружений Мангупа. Автор. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1984. С. 3-20.
13. Бармина Н.И. Место и значение Мангупской базилики в истории Дороса-Мангупа-Феодоро//Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения профессора М.Я.Сквозьмова. Тезисы докладов. Екатеринбург, 1993. С. 3-4.

14. Прокопий Кесарийский. Трактат «О постройках»/Пер. С.П.Кондратьева//ВДИ, 1939, №4. С. 248-250.
15. Васильев А.А. Готы в Крыму. Часть III//ИГАИМК. Л., 1927. № 5. С. 305.
16. Вандоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья //ИГАИМК. 1932. Т.ХII. Вып. 1-8. С. 27.
17. Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации странны Дори//Археологические исследования Средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 43-44.
18. Браун Ф. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в южной России. СПб., 1874. С.45-53.
19. Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма//Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992. С.45-53.
20. Липица Е.Э. О путях формирования феодальной собственности в Балканских и Малоазийских провинциях Византии//ВВ, 1959. Т.15. С.50-63. Наследова Р.А. Ремесло и торговля в Фессалониках конца IX - начала X в. по данным Иоанна Комениаты//ВВ. 1959. Т.6. С.61-84. Сюзюмов М.Я. Модернизация и сепаратизация//АДСВ. 1975. Вып.11. С.50.
21. Романчук А.И. Херсонес в VI - первой половине IX в. Свердловск, 1975. С. 5-9; Она же. Херсонес XII-XIV вв. Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 4.
22. Талис Д.Л. Раскопки Бахлянского городища в 1961-1965 гг./КСИА, 1969, № 120. С. 111. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 195. Репников Н.И. Партенитская базилика//ИАК. 1900. Вып. 32. С. 91-137. Гайдукевич В.Ф. Памятник раннего средневековья в Тиритаке//СА. 1940. Т.VI. С. 190.
23. Krautheimer R. Early shrisian and Busantine architecture. 1965. С. 158. Леквинадзе В.А. О некоторых сооружениях древнего Питиунта//КСИА, 1968. № 113. С. 56. Краткая история Болгарской архитектуры. София, 1969. С. 81.
24. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 215.
25. Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом//Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 21-23.
26. Бертье-Делагард А.Л. История христианства в Таврике, христианские епархии, их приделы//ИТУАК, 1920. № 57. С. 35-135.
27. Бармина Н.И. К вопросу о духовном центре Готской епархии//Духовная культура и тенденции развития. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994. Ч. IV. С. 67-68. Герцев А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Крыму//Симферополь. 1991. МАИЭТ. Вып. 2. С. 119-121.
28. Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом. С. 28-29.
29. Гуревич А.Я. Категория средневековой культуры. М., 1974. С. 9.
30. Notitiae episcopatushume Ecclesiae Constantinopolitanae. Р. 1981. С. 31-32.
31. Герцев А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении Готской епархии в Крыму. С. 119.
32. Айбабина Е.А. Могильники VIII - начала X в. в Крыму//Симферополь, 1993. МАИЭТ. Вып. 3. С. 121-133. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990. С. 105-145.
33. Тиханова М.А. Базилика... С. 350-366, 368-387.
34. Черепанова Е.Н., Шенянский А.А. Погребения поздних кочевников в степном Крыму //Археологические исследования в Крыму. С. 181-204.
35. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дюп в первые века нашей эры. М., 1972. С. 57-59.
36. Веймарн Е.В., Чорев М.Я. «Корабль» на Каче. Симферополь, 1974. С. 45.
37. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966. С. 76-77.
38. Подобные надгробия хорошо известны по другим могильникам Мангуца (например, около церкви Богородицы и поселениям в Гончарном, Мангуш и др.).
39. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. С. 78.
40. Флеров Е.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993. С. 42-52. Баранов И. А. дис. ...докт. ист. наук. Киев, 1994. С. 23-27.
41. Нахачетия В.Е. Образ мира в изобразительном искусстве Хазарии//РА, 1994. № 4. С. 108-